

Д. Григорова. ИМПЕРИЯ ФЕНИКС. МЕЖДУ СЪВЕТСКОТО МИНАЛО И ЕВРАЗИЙСКОТО БЪДЕЩЕ. София: Военно издателство ЕООД, 2015, 192 с.

Д. Григорова. ИМПЕРИЯ ФЕНИКС. МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ И ЕВРАЗИЙСКИМ БУДУЩИМ. София, 2015, 192 с.

Рецензируемая книга — результат огромной, без всякого преувеличения, исследовательской работы Дарины Григоровой. Давно, с постоянным и неослабевающим интересом наблюдая за становлением коллеги из Софийского университета, считаю своим долгом прежде всего констатировать: представленная монография — свидетельство научной зрелости исследователя. В сравнительно короткое время Д. Григорова стала европейски признанным авторитетом по истории России XIX–XXI вв., и особенно в области интеллектуальной истории и национальных отношений. Поэтому представляется закономерным и даже неизбежным ее обращение к евразийской тематике, к становлению новых национальных историй и национальных идентичностей в России и у ее ближайших соседей на постсоветском пространстве.

Как и в предыдущих работах, среди которых особого внимания заслуживает исследование «Евразийство в Русия» (София, 2008), в представленной монографии Д. Григорова точно и изящно соединяет собственно исторический анализ источников и описываемых на их основе событий с междисциплинарным подходом, умело и научно значимо обращаясь к методам, характерным для политологии, этнологии, теории международных отношений и культурологии. Широкие хронологические рамки исследования также обоснованы и являются его немаловажным преимуществом. Критически оценивая предлагаемые разными авторами (Л. А. Радзиховский, Ю. С. Пивоваров, Б. Ю. Кагарлицкий, Д. Биллингтон, Р. Пайпс) подходы к периодизации истории постсоветской России, Д. Григорова четко определяет хронологические границы работы: 8 декабря 1991 г. — 16 марта 2014 г. От Беловежских соглашений до Крымского референдума, который, по мнению автора, стал не просто символическим актом восстановления позиций великой державы, утерянных после распада СССР, но и событием, имевшим наибольший общественный резонанс за всю историю постсоветской России.

Исследователем поставлена серьезная задача: изучение национальной идентичности постсоветской России, Украины и Беларуси, что не только в высшей степени актуально (особенно, возможно, для зарубежной историографии), но и исключительно сложно в научном отношении. Среди современных

историков нет ни единства в понимании общетеоретических вопросов применительно к понятию «идентичность», ни терминологической определенности. Понятия «национальная идентичность», «русская идентичность», «российская идентичность» используются в высшей степени произвольно, без четкого определения дефиниций, что порой делает наблюдения и выводы исследователей малоубедительными. В этом отношении следует приветствовать терминологическую точность рецензируемой работы. Во введении специально обговариваются вопросы определения «имперской» и «национальной» идентичности, которые Д. Григорова предлагает понимать как некий дуализм постсоветского дискурса. Удачно найденный образ двуглавого орла — своего рода птица Феникс — позволяет исследователю оперировать разнородным материалом, приводя его по возможности к некоему единому знаменателю: усилия власти (власти постимперской, постсоветской России) в деле строения/обретения национальной идентичности. Строго говоря, исследованию именно этой проблемы подчинено все содержание монографии, отдельные части которой на первый взгляд могут показаться разноплановыми.

Отличительной особенностью работы Д. Григоровой является привлеченный ею огромный фактический материал. Автор обращается как к традиционным, так и к более сложным для анализа источникам. Здесь и российские периодические издания разной партийной и общественной направленности, и публицистика (журнально-газетная, телевизионная, интернет-ресурсы). Автор хорошо знает постсоветскую кинематографию и умело использует документальную и художественную продукцию кинематографистов. Источники самого разного происхождения подвергаются критическому сравнительно-сопоставительному анализу, что придает авторским выводам дополнительную убедительность и репрезентативность. И, добавлю, выделяет труд Д. Григоровой на фоне историко-политологических работ, чьи авторы демонстрируют источниковедческую беспомощность.

Заслуживает быть отмеченным глубокое знание Д. Григоровой работ современных исследователей. В необходимых случаях ученый опирается на их выводы и суждения, хотя, надо признать, авторы, пишущие как в Рос-

сии, так и за ее пределами, нередко склонны к полемическим преувеличениям и опрометчивым оценкам, что нередко вызывает справедливую и обоснованную критику Д. Григоровой. Ее собственная позиция может быть охарактеризована как подчеркнуто научная: в работе дан взгляд историка, а не публициста.

Структура работы логична и подчинена решению главной для автора задачи. В высшей степени уместна первая глава ««Честная история»: История и власть в постсоветской России», которая может рассматриваться и как развернутый источниковедческий анализ, и как четко обозначенный переход от доктринального позднесоветского общественного сознания к постсоветскому стремлению к преодолению запретов и разрушению стереотипов. Стремлению, которое сейчас кажется либо наивным, либо вводящим в заблуждение. Игра в «честную историю» — увлекательное занятие, которому предавалась перестроечная и постперестроечная общественность, убежденная, что от нее «многое скрывали». Д. Григорова справедливо отмечает исключительно важную роль, которую сыграла «информационная/архивная революция» в ликвидации «белых пятен» советского прошлого. Позволю себе добавить, что раскрашивание «белых пятен» в разные цвета партийно-политического спектра объективно было неизбежным, но в научном отношении малопродуктивным. «Честная история», о которой пишет Д. Григорова, не интересовала ни общество, ни власть.

В данной главе, на мой взгляд, автор несколько сгущает краски, когда пишет об исторической цензуре в современной России. Рассматриваемое «дело» архангельского профессора М. Н. Супруна — частный случай, связанный с местными сиюминутными реалиями и оставшийся незамеченным историческим сообществом. Д. Григорова справедливо критикует наметившуюся в последние годы тенденцию к созданию единого/единственного учебника по истории России. Однако к ее наблюдениям можно добавить, что эта тенденция, очень отдаленно связанная с действительно актуальной проблемой воспитания патриотического сознания, не воплотилась в издательской практике и не заслуживает того, чтобы ее трактовали как апробацию нового «краткого курса». Представляется, что несколько преувеличено суждение о свертывании архивной революции и о стремлении к «засекречиванию» некоторых архивных материалов. Нет сомнения, что наведение определенного порядка в архивном деле стало назревшим и необходимым после того почти беспредельного хаоса, что царил в российских архивах начала 90-х годов XX в.

Вторая глава «Русский путь и моделирование российской идентичности» является центральной в работе. Моделирование идентичности (национальной, российской, русской, евразийской) исследуется как на материале государственной символики, праздников, общезначимых понятий, так и при обращении к отдельным общественно-политическим фигурам. Не без иронии Д. Григорова пишет о «демократии по-русски или по-евразийски» и обстоятельно исследует «демонизацию» образа Е. Т. Гайдара постсоветскими публицистами. Этот раздел главы видится уместным и значимым, но следовало бы подчеркнуть, что экономические сюжеты в работе не рассматриваются, тогда как именно в них заключаются истоки «демонизации» и отдельных личностей, и таких понятий, как «демократия» и «приватизация». Интересен материал о режиссерах Н. С. Михалкове и А. С. Кончаловском, в которых автор видит создателей «образа новой России». Позволю себе добавить: одного из «образов» и едва ли удачного, коль скоро речь идет об идеализации старой России.

Содержание третьей главы четко передается ее названием: «Украинский Янус: между Галицией и Малороссией. Формирование национального образа на фоне геополитической тектоники». Здесь автор обращается к хорошо ему известному историческому материалу XIX — начала XX в., анализирует наследие М. С. Грушевского и М. П. Драгоманова и справедливо констатирует наличие глубокого раскола, что существовал в украинской интеллектуальной элите и в значительной степени определялся ее принадлежностью к Российской либо к Австро-Венгерской империи. Сделанные выводы служат для Д. Григоровой ступенью к выявлению двух моделей постсоветской идентичности, что выявляются на современном белорусском и украинском материале. Здесь автор, по моему мнению, поднимается над общим уровнем современной исследовательской литературы, где нет ни ясно очерченных методологических подходов, ни стремления к подобной целостной постановке вопроса. Нет, разумеется, и схождения в оценочных суждениях. Проведенное сопоставление формирования постсоветских национальных идентичностей в России и у ее близких по историческим корням и национальным традициям соседей позволяет выявить различные стороны единого в своей основе процесса и обосновать как его онтологическое единство, так и диаметрально противоположную идейную направленность.

Замечу, что сосредоточенность автора исключительно на взаимоотношении власти и общества, на формировании «нового» общественно-политического мышления, на

идеологических процессах оставляет за пределами исследования не менее значимые факторы национального менталитета, безусловно влиявшие на постсоветскую идейную жизнь. В первую очередь, это конфессиональные и этноконфессиональные вопросы, без учета которых невозможно изучение украинских национальных/националистических движений и идейных метаний, а также проблемы досоветского и советского образования и воспитания, легшие в основу формирования многих и далеко не изжитых сторон постсоветской действительности.

Этот момент тем более кажется важным, что он прямо связан с содержанием блестяще написанного заключения «Евразийский Союз: неосоветская или постсоветская геополитическая идентичность?», главные выводы которого основаны на большой доказательной базе и представляют собой материал для серьезных прогностических суждений. Евразийский Союз Д. Григорова предлагает рассматривать как геополитическую реальность, как один из возможных и оптимальных путей преодоления раскола между Востоком и Западом, как препятствие дехристианизации Европы, как путь

к взаимопониманию европейской христианской цивилизации и цивилизации ислама. Естественно, что серьезные вопросы, поставленные исследователем, требуют и предполагают их дальнейшее изучение.

Возвращение к пониманию феномена евразийства, изначально возникшему в философии XIX в., можно только приветствовать, но при этом сильнее ощущается недостаток конфессиональной проблематики в основном корпусе исследования. Кроме того, определенным свидетельством зависимости автора от свойственных современному западному, неолиберальному дискурсу оценок являются размышления о том, следует ли понимать Евразийский Союз как «неосоветскую» или «постсоветскую» геополитическую идентичность.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркну, что рецензируемая работа — серьезное, многоаспектное, подлинно научное исследование, заслуживающее самой высокой оценки со стороны исторического сообщества.

Е. Н. Цимбаева,
доктор исторических наук,
доцент истфака МГУ им. М. В. Ломоносова